

УДК 165.19

ЛОГИКА МИФА В КОНЦЕПЦИИ К. ХЮБНЕРА КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

П.Б. Тычкин

Томский политехнический университет

E-mail: medved2912@mail.ru

Осуществлен анализ критериев мифа в рамках трансценденталистской концепции К. Хюбнера в контексте проблемы соотношения мифологической и научной традиции, обоснованы методологические аспекты формирования онтологии современной науки с использованием элементов логики мифа.

Ключевые слова:

Трансценденталистская концепция мифа, нуминозность, постнеклассическая наука, холизм, бутстрэпный подход.

Key words:

Transcendental conception of myth, numinous, non-classical science, holism, a bootstrap approach.

Социокультурная обусловленность научного познания в современной научной картине мира является одним из важных критериев понимания эпистемологических и онтологических оснований этой картины. Данная обусловленность репрезентируется посредством включения в процесс познавательной деятельности ценностных и, собственно, когнитивных составляющих, которые формируются на основе не только строго внутринаучной деятельности, но и в рамках других традиций. Эти составляющие «предстают в форме мировоззренческих, ценностных предпосылок, различных убеждений, парадигмальных образцов, способов видения» [1].

В этой связи представляет интерес оценка мифа как формы мировоззрения и познания в контексте возможности его использования как элемента современной научной парадигмы. Исследование проблематики взаимоотношений мифа и науки в философии имеет достаточно длительную историю, данной тематике посвящено большое количество как отдельных работ, так и концептуальных подходов.

Экспликация возможных путей конституирования логики мифа в качестве одного из элементов постнеклассической научной рациональности с необходимостью требует выявления основных методологических подходов в контексте поставленной проблемы, без чего любая попытка такой экспликации будет обречена на неудачу. Предметом данной статьи является анализ взглядов одного из видных представителей трансценденталистской традиции в изучении мифа — К. Хюбнера. На сегодняшний день работы этого ученого являются одними из немногих фундаментальных исследований по рассматриваемой проблематике. В концепции К. Хюбнера, на наш взгляд, наиболее рельефно представлены именно методологические аспекты проблемы взаимоотношения мифа и науки как форм знания, и именно данная концепция в большей степени дает возможность, с одной стороны, проследить эволюцию этой проблемы в философском дискурсе, и, с другой стороны, позволяет

предложить основные элементы для формирования методологии ее решения сегодня.

К. Хюбнер осуществляет тщательный анализ мифа в разных аспектах, но центральной тенденцией для него выступает обоснование мифа как формы мировоззрения и практики, обладающей стройной структурой, логикой и, что самое главное, правом на оперирование таким понятием, как истина. Претензии науки на однозначность последней как исключительно научной категории не имеют, по мнению К. Хюбнера, достаточных и объективных оснований. Это связано с тем, что «объективной» реальности, о которой говорит наука и на постижение которой направлена вся ее структура, принципы и методологический аппарат, не существует. Любой опыт определяется той картиной мира, в которой он реализуется. Как пишет К. Хюбнер, «...опыт и разум, и тем самым критерии истины и реальности изначально соподчинены между собой с помощью частных представлений о причинности и времени [2].

Иначе говоря, онтологические основания картины мира базируются на неких априорных положениях, которые и конституируют, в частности, критерии истины. По сути, именно в этом тезисе заключается смысл «трансцендентности» концепции К. Хюбнера, восходящей во многом к априоризму И. Канта, но, безусловно, к нему не сводящейся. По мнению К. Хюбнера, в основе мифа лежит категория «нуминозности», определяемой, в частности, как данность мира сознанию в акте их слияния, нерасчлененности, в качестве всеобъемлющего знака, причем «речь идет не о таких знаках, которые символизируют собой просто человека или просто природу, а о таких, которые постоянно объемлют собой обоих, ибо они относятся к той связи, от которой они оба изначально производны. В ней все живое имеет свое начало, свое смыслосодержание (*Sinnbezug*), утрата которого сравнима со смертью. В силу этого данная связь является божественной и священной. Вне ее ни человек, ни природа не существуют в подлинном смысле, по отдельности они оба выступают как пустые и безжизненные тени» [3].

Исходя из этого, К. Хюбнер создает стройную модель онтологии мифа, доказывая необоснованность рассмотрения мифа и науки как низшей и высшей ступеней развития мышления. В этом доказательстве важное место занимает изучение понятия рациональности. Вопреки распространенной точке зрения на рациональность как категорию, принадлежащую исключительно научному дискурсу, К. Хюбнер анализирует рациональность, эксплицируя ее основу – категорию intersubjectivity, выделяя виды последней – эмпирическую, семантическую, операциональную и т. д. Миф, согласно К. Хюбнеру, обладает (как и наука) своей рациональной структурой, включающей различные виды intersubjectivity, которые обладают в случае мифа и науки различным качественным наполнением.

К. Хюбнер, как и его предшественник Э. Кассирер, использует и другие категории, являющиеся по своей форме словоупотребления общими как для науки, так и для мифа. Но принципиально различна их смысловая наполненность. В частности, по мнению К. Хюбнера, понимание логики соотношения между целым и частью в ситуации мифического мышления приводит нас к выводу о стирании границ между ними (подробнее об этом будет сказано ниже). Также К. Хюбнер уделяет внимание необходимости рассмотрения такого специфического аспекта логики мышления в мифе, как единство идеального и материального. Это единство характеризует нуминозную сущность мифа, вне которой последний не может быть осмыслен как целостное явление. «Единство идеального и материального, – пишет К. Хюбнер, – имеет для мифа столь же фундаментальное значение, как и его отрицание для научной онтологии. Это единство является собственно первичным, оно задает основания мифической предметности и составляет источник всякого явления» [3].

Последнее утверждение представляется нам ключевым для понимания взглядов К. Хюбнера в отношении проблемы возможности взаимодействия мифа и науки. Дело в том, что, как уже было показано выше на нескольких примерах, практически вся логика К. Хюбнера строится на идее легитимации мифа во многом посредством описания его категориального аппарата, который состоит из таких понятий, которые одновременно используются в научном дискурсе. Рациональность, целое и часть, материя и идея, intersubjectivity – все это категории, используемые наукой. Однако К. Хюбнер делает достаточно категоричный вывод о том, что стили мышления мифа и науки являются фактически несоизмеримыми. К примеру, он указывает на отсутствие в мифе строго материальных объектов, поскольку они выражены через категорию нуминозного, то есть представляют собой не субстанцию, а событие, явленность бога. Следовательно, в мифе не может идти речи о понятиях в научном понимании этого слова.

Вытеснение наукой мифа в ходе исторического

развития объясняется, по мнению К. Хюбнера, во многом исходя не из закономерного процесса совершенствования мышления (ибо, как было сказано выше, миф не является низшей формой по отношению к науке) и не из законов природы и исторических правил (поскольку первые, будучи понимаемыми как выражение закономерного стремления человека к счастью, зависят от исторически преходящих вариантов понимания последнего, а вторые являются, по сути, лишь субъективным выбором человека), а как раз из проявления действия нуминозного начала, то есть из логики самого мифа.

В целом, трансценденталистская концепция мифа представляет собой во многом успешную тенденцию в трактовке и обосновании как самого мифа, так и в связи последнего с наукой. Миф здесь открывается нам в подчас поражающей глубине своих смыслов, в удивительно стройной и яркой системе логических связей, образов, понятий. Это уже не поэтическая и даже не психоаналитическая позиции, которые при всей своей оригинальности рисуют все же одностороннюю, а потому во многом неадекватную картину мифического. Именно трансценденталистский подход в качестве метода дает нам возможность вплотную подойти к решению задачи, поставленной в начале – выявления возможности построения онтологии постнеклассической науки с участием элементов мифического мышления. По словам А.П. Круглова, «благодаря трансценденталистской интерпретации мы видим в мифе категориальное единство» [4].

На основании всего вышесказанного перед нами с очевидностью возникает вопрос о принципиальной возможности экспликации логики мифа в качестве методологической модели эволюции современной научной онтологии и, как следствие, проблема нахождения путей реализации такой модели в современных познавательных стратегиях.

В контексте поставленных задач необходимо обратить внимание на некоторые существенные моменты. К. Хюбнер утверждает миф и науку как альтернативы, постулируя тем самым их принципиальную несхожесть и, следовательно, невозможность взаимодействия, отсутствие «всеобъемлющего стандарта» для суждения о них [2]. Однако позиция К. Хюбнера в данном вопросе вызывает ряд возражений. Как справедливо отмечает А.Н. Круглов [4], отказывая и мифу, и науке в праве на первенство в связи с отсутствием объективных оснований в претензиях на абсолютную истину, К. Хюбнер тем не менее берет в качестве эталонного инструмента для изучения этих двух традиций классическую формальную логику. Является ли в таком случае последняя универсальной системой отсчета? Если мы ответим на этот вопрос утвердительно, то придем к выводу о несостоятельности позиции К. Хюбнера относительно невозможности взаимодействия мифа и науки из-за отсутствия упоминавшегося выше «всеобъемлющего стандарта» (поскольку таковым выступает логика).

Если же выбор логики как инструмента измерения мифа и науки есть произвольное действие, то возникает вопрос а) об основаниях такого выбора; б) о правомерности в целом сравнения рассматриваемых форм знания (так как данное сравнение базируется на произвольно выбранном критерии).

На наш взгляд, одним из вариантов разрешения описанного противоречия может стать обращение к философии вообще и к такой ее области, как эпистемология, в частности. Именно философия может выступить в качестве искомой метапозиции, содержащей в себе серьезный потенциал для решения поставленной проблемы. Действительно, являясь интегративной традицией, характеризующейся такими критериями, как плюралистичность, рефлексивность, инвариантность, философия в полной мере может претендовать на роль методологической основы в процессе изучения мифа и науки. Однако этот тезис требует конкретизации.

Дело в том, что необходимо учесть существенный вопрос: если мы позиционируем теорию познания как раздел философии в качестве определенной системы отсчета в процессе экспликации возможных тенденций взаимодействия мифа и науки, то не означает ли это просто выбор последней как эталона (поскольку речь идет о теории преимущественно научного познания) и, следовательно, нарушение идеи принципиального равноправия этих традиций? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо предварительно задаться другим: а о какой науке идет речь? К. Хюбнер в своих работах в подавляющем большинстве случаев использует характеристики и логику классической научной рациональности. Понятия каузальности, пространства, времени, материи, объективности, истины (и многие другие), на анализе и сравнении использования которых в мифе и науке К. Хюбнер строит, собственно, ось своих доказательств, — практически все эти понятия реализованы в рамках классической научной картины мира. Если же обратиться к постнеклассической научной рациональности, то мы будем иметь дело с принципиально иным пониманием указанных выше категорий. Природа понимания истины в постнеклассической научной рациональности во многом является холистической, подразумевающей целостное видение мира с учетом множества факторов. Истина не предстает перед нами как результат исключительно дедуктивных доказательных (в смысле классической науки) процедур, а является итогом разносторонней творческой деятельности; природа истины динамична и определяется, в частности, понятием голографического эффекта, в котором «часть перестает быть всего лишь кусочком целого, но при определенных обстоятельствах отражает и содержит в себе целое» [5].

Обращаясь к мифу, мы обнаруживаем в нем логику, во многом схожую с ситуацией, описанной выше. В мифе стирается различие между целым и частью. Таким образом, рациональность мифа, ее понимание вполне гармонично могут стать од-

ним из элементов в современной модели научного поиска.

Наука в ходе теоретического и эмпирического познавательных процессов очень часто оперирует абстракциями. Это обусловлено необходимостью построения математически точных моделей объектов и их изучения. Методы абстрагирования и идеализации ориентированы на работу с «идеальными объектами», т. е. объектами с заданными и контролируемыми свойствами, что позволяет совершать теоретические построения и создавать на их основе концептуальные модели. Этот процесс характерен, в первую очередь, для фундаментальной науки. Но если мы обратимся к сфере прикладных наукоемких технологий, то с очевидностью обнаружим необходимость реализации теоретических построений на практике, в частности, в производственной реальности. Именно эта задача является в современной науке одной из приоритетных и, одновременно, сложных. Одной из проблем в этой связи выступает необходимость интерпретации формализованных языков в процессе перехода от фундаментальной науки к науке прикладной.

Иначе говоря, в теоретической плоскости «идеальный объект» функционирует, соответственно, в определенной «идеальной среде». Но переходя в область физического мира, «идеальный объект» с неизбежностью перестает быть таковым, включаясь в сложную систему многообразных связей, процессов, факторов. Среди последних немаловажную роль играет категория человекообразности, интегрированности знания (воплощенного в различные формы), в том числе и в социальный мир. Поэтому проблема трансформации теоретического знания помимо собственно утилитарных, специализированных аспектов, включает и антропные элементы. Это, в частности, обладание возможностью целостного видения реальности, где определенная научная технология осуществляется в системе сложных взаимосвязей, где задействованы различные закономерности и типы мышления и практики. Только такая холистическая позиция позволяет сегодня реализовывать научный поиск, решать поставленные задачи, достигать разностороннего и, одновременно, наиболее полного понимания происходящих процессов.

В процессе решения рассматриваемых нами задач необходимо обратить внимание на еще один немаловажный момент. На протяжении уже более, чем ста лет, центральное место в формировании основ сменяющих друг друга типов научной рациональности занимают проблемы теоретической физики. Именно в физике происходят кардинальные изменения, связанные с появлением квантовой механики, релятивистской теории и, как следствие, смена научных парадигм собственно в физике, а в дальнейшем и в других научных дисциплинах. Поэтому мы можем обратиться к современным концепциям и подходам в физике, а точнее говоря, в сфере изучения субатомных процессов. Эта область знания сегодня дает нам возможность

достаточно четко увидеть перспективы использования логики мифа в научном поиске. В частности, речь идет о «бутстрэпной» гипотезе в объяснении процессов, происходящих в микромире, одним из авторов которой является Д. Чу. Согласно этой концепции, для адекватного понимания природы вообще и микромира в частности, необходимо отказаться от редукции оснований последних к фундаментальным «кусочкам» материи и создать картину, в которой элементарные частицы должны рассматриваться, прежде всего, как звенья единой сети. «Бутстрэпная» философия, — пишет Ф. Капра, — не только отказывается от идеи фундаментальных строительных блоков материи, но вообще не принимает фундаментальных сущностей — фундаментальных констант, законов или уравнений. Материальная Вселенная рассматривается как динамическая сеть взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств какой-либо части этой сети не является фундаментальным; все свойства одной части вытекают из свойств других частей, и общая связанность взаимоотношений определяет структуру всей сети» [6].

Интересен и тот факт, что в «бутстрэпной» концепции отсутствует понятие непрерывного пространства и единого времени. Отдельные события носят весьма самостоятельный характер и либо вообще не интегрированы в цельное пространство-время, либо такая интеграция является неявной и не выступает в качестве непреложной закономерности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что современная научная картина субатомного мира должна строиться на основе идеи аппроксимации — приближения или приблизительности, рассмотрения различных явлений как *событий*, а не элементов, на основании постепенного наведения фокуса при неизбежном включении в этот фокус как разнообразных связей объекта, так и самого субъекта. Очевидно, что все эти положения явным образом коррелируют с критериями мифологического мировоззрения. Именно у К. Хюбнера мы находим характеристику нуминозности как связи, вне которой все элементы бытия теряют смысловую наполненность и превращаются в выхолощенные понятия. Именно в мифе реализовано понимание пространственно-временного континуума не как изотропного «вместилища материи», а как системы разнообразных условий для разнообразных же состояний и событий, в которой неразрывно связаны субъект и объект, материальное и идеальное начала.

В этой связи обратимся к описанию одной из характеристик мифа А.Ф. Лосевым. «Мифическая отрешенность» есть <...> отрешенность от чисто отвлеченного и дискретного существования. Она есть та специальная сфера, в которую погружаются отвлеченные понятия, чтобы превратиться в живые вещи живого восприятия» [7]. В данном случае категория «мифической отрешенности» является, *во-первых*, примером того самого холистического

видения, о котором шла речь выше, *во-вторых* — доказательством актуальности логики мифа в рамках современной науки (в контексте «бутстрэпного» подхода). Обращение к такому способу восприятия мира и, соответственно, к практической деятельности как к методу, позволяющему достигать целостности мировоззрения, как к приемлемому элементу научного мышления вполне допустимо и именно в контексте постнеклассической научности.

Данный тезис является тем более верным, так как холизм в современном научном дискурсе выступает не только в качестве его критерия, но и реализуется в таких магистральных сегодня концепциях, как синергетика и глобальный эволюционизм. Последние ориентированы именно на идеи открытости, инвариантности, коэволюции, понимания и могут развиваться на основе корреляции различных типов мировоззрения и видов знания, обеспечивая достижение как утилитарных задач науки, так и задач роста и совершенствования познания как глобального процесса во всех его многообразных формах. Да и сам факт использования К. Хюбнером общих для мифа и науки понятий (несмотря на утверждаемое им принципиально различное содержание) уже сам по себе указывает на возможность соотнесения данных понятий в контексте решения общих гносеологических (уже — научных) задач.

Необходимо обратиться к мифу как к целостной системе мировоззрения в той форме, которая изначально была ему присуща, что позволит адекватно понять и использовать его сегодня — не в смысле механического перенесения его логики на современную почву, а в смысле гармоничного использования в свете критериев современной науки. Тем более миф сам говорит о возвращении как о возможности и залоге развития [8]. Именно современная наука в рамках современных условий является открытой и позволяет использовать логику мифа в ней не столько потому, что эта логика содержится в науке с самых истоков, сколько потому, что именно современное понимание науки позволяет реализовать указанную задачу.

Выводы

Проанализированы взгляды К. Хюбнера как представителя трансценденталистской концепции в изучении мифа в качестве методологического подхода в решении проблемы возможностей взаимодействия мифа и науки как дискурсивных практик. Обоснована значимость отдельных положений и трансценденталистской интерпретации мифа в целом (в частности, в контексте бутстрэпного подхода в современной физике) для формирования методологических и онтологических оснований эволюции постнеклассической научной рациональности.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
2. Хюбнер К. Критика научного разума. 2010. URL: <http://books.atheism.ru/philosophy/#h> (дата обращения: 11.04.2010).
3. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
4. Круглов А.Н. Трансценденталистская интерпретация мифа (Э. Кассирер и К. Хюбнер) // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: РХГИ, 1999. – 402 с.
5. Гроф С. Холотропное сознание: три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. – М.: АСТ, 2003. – 267 с.
6. Капра Ф. Уроки мудрости. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. – 318 с.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический проект, 2008. – 303 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект; Парадигма, 2005. – 224 с.

Поступила 12.04.2010 г.

УДК 316.74:001

КОМПЕТЕНЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КАТЕГОРИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.В. Конюхова, Е.Т. Конюхова*

Томский политехнический университет,

*Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк

E mail: konykhova@sibmail.com; konjuhova50@mail.ru

Показано, что компетенция как междисциплинарная категория может быть проанализирована с точки зрения философского, психологического и иных подходов как интегрированный социально-личностно-поведенческий феномен постнеклассической науки. Компетенция рассматривается как ориентир для человека, позволяющий ему выстроить свое успешное будущее.

Ключевые слова:

Компетенция, компетентность, виды компетентности, личность, постнеклассическая наука, философский и психологический подходы.

Key words:

Competence, awareness, types of competences, personality, post-non-classical science, philosophical and psychological approaches.

Вторая половина XX в. характеризуется междисциплинарностью исследований, изменением самого характера научной деятельности, позволивших говорить о принципиально новом постнеклассическом этапе развития науки. В постнеклассике все отчетливее проявляется ориентация на человека как в конкретных методах и методиках исследования, так и в целостном общекультурном, философском осмыслении исследуемых проблем. Гносеологический горизонт постнеклассической науки позволяет рассматривать вопросы формирования и развития личности в условиях динамичного изменения социума через призму целого комплекса гуманитарных наук. Обществу необходима ориентация на познание личности, ее компетентности и компетенций. Жизненно-социальные ориентиры задают феноменологию индивидуального опыта, содержание и динамику формирования и развития различных компетенций человека.

В современном мире информация, с точки зрения философского осмысления, оказывает значительное влияние на деятельность человека в поликультурном пространстве. Экспоненциально нарастающий поток информации, уровень и качество ее производства и внедрения определяет внимание исследователей к вопросу формирования человека компетентного в изменяющихся социокультурных и профессионально-образовательных сферах активности.

Мера компетентности и компетенции каждым человеком определяется неодинаково. Существуют разные подходы в философской, психологической, педагогической и научно-методической литературе к трактовке этих понятий. Иногда исследователи отождествляют эти термины, иногда употребляют их как самостоятельные, придавая каждому из них разные смыслы. Основоположником теории компетенций принято считать Д.К. МакКлелланда, который в 1973 г. опубликовал работу, открывшую путь движению компетенций и методов определения их переменных.

В.В. Нестеров и А.С. Белкин предлагают рассматривать компетенцию как совокупность того, чем человек располагает, а компетентность – совокупность того, чем он владеет [1]. То есть первая характеризует внутренний потенциал личности, а вторая – реализацию этого потенциала. Э. Шорт считает, что «компетенция – это владение ситуацией в условиях изменяющейся окружающей среды, это способность эффективно реагировать на воздействие среды или изменять ее» [2. Р. 22].

Вплоть до настоящего времени идет активный поиск четкого определения категории «компетенция». Отсутствие определения связано с тем, что компетенция относится к разряду макроконцепций и рассматривается в совокупности взаимосвязи структурных компонентов в целостной структуре личности.